

Куйбышев. — 1993 — 18 дек. — С. 7

# Свеча горела на столе...

Как уже сообщалось в предыдущем номере, в Театре драмы и комедии на Таганке на «половине» труппы Николая Губенко отключено электричество.

Эта мера пришла в головы, принадлежащие администрации Театра на Таганке под руководством Ю. Любимова, дабы указать противнику, что он не имеет никаких прав на Новую сцену.

Напомним, что в июне этого года Арбитражный суд признал раздел труппы театра правомочным и, соответственно, претензии «Содружества актеров Таганки» под руководством Н. Губенко на Новую сцену — тоже. Однако в сентябре кассационная коллегия суда, рассмотрев протест «любимовцев», переиграла дело, решив, что имущественного раздела быть не может и весь театральный комплекс принадлежит последним.

Впрочем, высшее решение остается не за коллегией, а за самим Арбитражным судом. Дело об имущественном разделе повисло в воздухе, что позволило «Содружеству» продолжать работу в здании, которое актеры (все — таганковцы со стажом!) считают своим. Репетиции чеховской «Чайки» (постановщик — известный кинорежиссер Сергей Соловьев)

шли своим чередом, премьера планировалась на январь, когда в репетиционных помещениях погас свет.

Добравшись в потемках до освещенного зрительского фойе, журналисты опять, как это уже было много раз, выслушивали «фронтовые» сводки. Затем слово взяла Зинаида Славина:

«Тридцать лет назад я сыграла в «Добром человеке из Сезуана». Родился наш театр, которому я отдала всю жизнь. И теперь я хочу работать. Неужели это право могут у меня отнять?»

Сергей Соловьев: Одна из самых трагических вещей на свете — это пустой театр. Разве в городе чума или наводнение? Когда мы первый раз включили на репетициях световую аппаратуру, она затрещала, как кости старого ревматика. На всем лежал вековой слой пыли... Театр — это место, где играют и смотрят спектакли. А судебные дела пусть решаются в другом, положенном им месте.

«...Свеча горела на столе, свеча горела...» Дух Пастернака каким-то странным, искривленным образом витает над этим театром. Не успев родиться, исчез, не дошел до москвичей любимовский «Доктор Живаго». Зато свеча горит. При ее

неверном свете и репетируют по сей день упрямые актеры «Содружества». В дверях служебного входа Новой сцены — их собственная охрана. По кабинетам и коридорам бродит

муниципальная милиция — непременный теперь атрибут этого театра...

«О, знал бы я, что так бывает, Когда пускался на дебют...»

Н. КАМИНСКАЯ.

P. S.

Конфликт, помимо того, что изматывает непосредственных участников и производит тягостное впечатление на нервных наблюдателей, обладает еще одним нехорошим свойством — он затрагивает тех, кто волею судьбы оказался в зоне его действия.

Трещина, расколовшая надвое Театр драмы и комедии, разумеется, не прошла через сердце руководимой Евгением Колобовым муниципальной «Новой оперы» — она прошла через ее афишу. Как известно, в ожидании завершения реконструкции своего здания «Новая опера» выступала на Новой сцене Таганки. Конфликтная ситуация ей выход на эту сцену закрыла. (А найти другую, удовлетворяющую специфическим требованиям музыкального театра, не так-то просто). В начале сезона «поплетели» почти все запланированные спектакли. При состав-

лении репертуарного плана на вторую половину сезона попрощались уже со всеми, отменив и намечавшуюся на конец декабря премьеру, — в афище осталось только то, что исполняется «концертно» (в концертных же залах, понятно).

Конечно, «Новая опера» находится на периферии разыгравшейся трагедии. Ей бы вообще, кажется, только спасибо говорить за то, что разрешили «погостить». Она и говорила, хотя пускали-то ее не «за спасибо», а за арендную плату. Арендный договор, между прочим, должен был бы действовать и поныне. И разве «Новая опера» виновата в том, что заключала его с одной стороной, а другая теперь вносит свои коррективы? Впрочем, она претензий не предъявляет и, как говорит директор Д. Родионов, не теряет надежды на то, что у коллег возобладают здравый смысл и интеллигентное отношение к своей профессии.